

Митрополит Иларион: Представление о нравственности как абсолютной, а не относительной категории возможно только в перспективе вечной жизни

26 ноября 2013 года в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ в продолжение спецкурса «История христианской мысли» лекцию, посвященную христианской нравственности, прочел митрополит Волоколамский Иларион, глава Отдела внешних церковных связей, председатель Синодальной библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры, профессор и заведующий кафедрой теологии МИФИ.

В зале присутствовали представители администрации университета, преподаватели и студенты.

Перед началом лекции был показан заключительный, десятый фильм из документального цикла митрополита Илариона «Церковь в истории». Лента «Православные Церкви на современном этапе» рассказывает о нынешнем положении четырех древних Патриархатов –

Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Московский Патриархат занимает пятое место в диптихе Поместных Православных Церквей. В фильме также говорится о Православии в Сербии, Румынии и Болгарии; о Кипрской, Элладской и других Поместных Православных Церквях.

Свою лекцию митрополит Иларион посвятил нравственному закону в жизни человека, поведав о том, чем христианское понимание нравственности отличается от секулярного:

"Приветствую вас, дорогие друзья!

Я хотел бы сегодня поговорить с вами о христианской нравственности. В начале нашего курса я рассказывал, что Иисус Христос в восприятии христиан не является просто наставником нравственности, учителем или пророком, – Он является Воплотившимся Богом и те нравственные заповеди, законы и установки, которые Он давал Своим ученикам, воспринимаются нами, христианами, не как человеческие установления, но как установление Божественное. Отсюда наше восприятие того, что сказано Христом в Евангелии, в качестве абсолютной нравственной нормы.

В этом большое отличие между нравственностью христианской (как и религиозной вообще) и нравственностью секулярной – той, которая сегодня распространена в современном обществе.

В современном секулярном мире существует представление о том, что многие нравственные нормы являются относительными, что безнравственно и недопустимо то, что нарушает права других людей, а нравственно – все то, что эти права не нарушает. Считается, что каждый человек может для себя установить определенную шкалу нравственных ценностей, по которой он живет и в соответствии с которой выстраивает свои отношения с людьми.

Христианство воспринимает нравственность иначе. Нравственность – это свод правил, постановлений, а также ограничений и запретов, которые исходят из уст Самого Бога, а поэтому имеют непреложное значение. В словаре современного секулярного мира, по сути дела, отсутствует понятие греха. Есть понятия закона, преступления против него и наказания за нарушение предписанных законом норм, но понятие греха как акта, за который человек несет личную ответственность, практически отсутствует, за исключением тех случаев, когда совершенный грех или преступление наносит ущерб другим людям.

В христианстве так же, как и в ветхозаветной традиции, понятие греха имеет очень

важный смысл, потому что грехом является то, что человек совершает против воли Божией. А как ее узнать? Воля Божия, с точки зрения христианина, заключается в том, чтобы исполнять Божественные заповеди. Все то, что не вписывается в Божественные заповеди, что им противоречит, является для верующего во Христа безнравственным и греховным.

Многие сегодня воспринимают христианскую нравственность как слишком строгую систему запретов, плохо приспособленную к реальной жизни человека. Ведь, в конце концов, мы знаем, что все практикующие христиане ходят на исповедь, исповедуются в своих грехах. Так вот, если каждый человек, каждый христианин совершает те или иные грехи, то насколько вообще христианская нравственность приспособлена к человеческому естеству? Может быть, нравственные заповеди христианства устарели или просто нереалистичны, может быть, они не учитывают реальное состояние человека?

На самом деле, это не так. Оказывается, что нереалистичными являются как раз те нравственные системы, которые не учитывают способность человека совершать не только добрые, но и злые поступки, грехи. Вот, например философия эпохи Просвещения. Она исходила из того, что весь мир можно преобразовать, если людей правильно обучить. Сама идея Просвещения заключалась в том, что людей надо просвещать и тогда они, узнав все, что им необходимо, будут жить в идеальном мире. Но на самом деле в истории человечества еще ни одна попытка воплотить в жизнь идеи Просвещения не увенчалась успехом. Наоборот, такие попытки чаще всего приводили к социальным катаклизмам, катастрофам и к множеству человеческих жертв, как это было в ходе французской революции, затем в эпоху русской революции и в период, который за ней последовал. И в том, и в другом случае революции совершались во имя благородных идеалов свободы, равенства, братства. Совершавшие их люди обещали людям счастье, они говорили: «Мы сделаем так, чтобы вам всем было хорошо». При этом каждая конкретная идеология указывала тех или иных людей, те или иные классы общества как препятствие для всеобщего счастья. В лучшем случае предполагалось перевоспитать этих людей и целые классы, а в худшем – их ликвидировали, уничтожали, как это было в советское время, когда сначала уничтожили дворянство, потом духовенство, затем стали уничтожать кулачество, купечество, казачество. И эта кампания по ликвидации одного класса за другим якобы во имя счастья всех оставшихся была мотивирована нравственными соображениями.

Христианство предлагает совершенно другую парадигму – антропологическую, а значит, совершенно иной взгляд на человека. Христианство учит, что каждый человек в силу своей греховной природы (не той, которую он получил от Бога, а природы, которую приобрел в результате своего жизненного опыта) во многие моменты своей жизни находится перед выбором между добром и злом. От того, какой выбор он сделает в каждый конкретный

момент, зависит его собственное счастье, счастье окружающих людей, а от совокупности выбора всех людей – судьба мира, потому что в известной степени история человечества находится в руках самого человечества. Есть, конечно, обстоятельства, которые от нас не зависят, например, природные катаклизмы. Есть события, в которых, с нашей религиозной точки зрения, проявляется промысел Божий, когда Господь вмешивается в течение истории или в течение человеческой жизни и изменяет его. Но очень многое зависит непосредственно от нас, и от каждого из людей в отдельности зависит, по какой нравственной шкале мы будем выстраивать свою жизнь. От этого зависит наша собственная жизнь и жизнь окружающих нас людей. А от всех нас в совокупности зависит жизнь нашего общества.

Мы часто жалуемся на те или иные общественные недуги, но, как правило, то, что происходит в обществе, является отражением того, что происходит в душах людей. Общество – это макропроекция того, что происходит в человеке как микрокосмосе. Ведь неслучайно наш великий писатель Ф.М. Достоевский говорил, что в сердце человека Бог борется с дьяволом. Сердце человека является полем битвы, на котором происходит эта борьба и осуществляется выбор между добром и злом.

Но здесь возникает естественный вопрос: что является добром, а что – злом, если добро и зло – понятия относительные? Вот, кража с точки зрения человека, которого обокрали, является, безусловно, злом. Но с точки зрения карманного вора, который вытащил кошелек, это событие – вовсе не зло; наоборот, вор считает, что приобрел что-то, и радуется тому, что совершил этот поступок. Если отсутствует представление о добре и зле как неких абсолютных величинах, если отсутствует понятие нравственности как абсолютной, а не относительной категории, тогда возникает вопрос: почему карманный вор не может жить по своей собственной шкале нравственности? Он нанес ущерб другому человеку, обокрал его; а почему мы не должны наносить ущерб другому человеку, если нам от этого будет лучше? Чем жизнь другого человека драгоценней нашей собственной жизни? Может, у человека, у которого украли деньги, есть и другие материальные средства и он не понесет большого ущерба, а карманный вор, который совершил кражу, за счет этого разбогатеет и станет счастливым?

Это лишь один из примеров, но таких примеров тысячи и десятки тысяч в жизни каждого из нас. Человек многократно встает перед выбором, совершить ли ему некий поступок, с христианской точки зрения греховный, но вместе с тем сулящий какие-то материальные блага. Когда же он идет на сделку с совестью, идет против неких общечеловеческих ценностей и совершает этот грех, деяние его, если не влечет за собой последствий, обозначенных в законе, то так и остается грехом, о котором потом человек в лучшем случае

скажет на исповеди. Если же этот грех является одновременно преступлением против закона, есть вероятность, что такого человека поймут, осудят, посадят в тюрьму или же он подвергнется каким-либо дисциплинарным взысканиям. Но, как мы все прекрасно знаем, далеко не все совершенные преступления раскрываются, далеко не все виновные в преступлениях получают наказание. Всегда остается весьма значительный процент нераскрытых, следовательно, ненаказанных преступлений.

Кроме того, совершенно невозможно исчислить цену преступления в каких-либо категориях формального права. Например, если за убийство преступник получил десять или двадцать лет тюремного заключения или даже пожизненное заключение, разве можно это считать адекватным наказанием за то, что он совершил? Кто может назначить цену одной жизни? Никто, ибо каждая человеческая жизнь бесценна. Следовательно, любые системы наказания, которые существуют в человеческом сообществе, достаточно условны. Они базируются на некоем консенсусе вокруг тех или иных моральных ценностей (если говорить о взгляде на нравственность, исходя не из религиозной перспективы).

Если же смотреть на нравственность из религиозной перспективы, то нужно признать, что нравственные заповеди – это заповеди Божии и, следовательно, их нужно соблюдать. Опять же возникают вопросы: почему, собственно, нужно соблюдать эти заповеди? На что они направлены? Почему я должен воздерживаться от чего-то, если это мне нравится, если это приносит мне удовлетворение, но при этом запрещено церковным законом, запрещено Евангелием? Ответ на эти вопросы такой: потому что Евангелие устанавливает такую систему взаимоотношений между людьми, которая практически исключает возможность нанесения друг другу тяжкого вреда и превращения человеческого сообщества в ад, как это не раз случалось в истории.

Я, конечно, не смогу в одной лекции изложить все нравственное учение христианства, но приведу вам некоторые примеры, которые покажут, что христианская нравственность, во-первых, имеет с точки зрения верующего во Христа абсолютный характер, а во-вторых, не всегда совпадает с тем, что считается нравственностью по обычным человеческим понятиям.

Я обращусь к тексту, который является своего рода квинтэссенцией нравственного учения Христа, – это Нагорная проповедь, которая содержится в 5–7 главах Евангелия от Матфея. Проповедь эта начинается с того, что Иисус Христос восходит на гору, к Нему приступают ученики, и Он начинает учить их, говоря: «Блаженны (то есть счастливы – *прим.*) нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие

правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня, – радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на Небесах» (Мф. 5. 3–12).

С этих заповедей начинается Нагорная проповедь, причем очевидно, что подобные изречения Иисус Христос произносил не один раз – даже в Евангелиях имеются две версии тех же самых блаженств. В Евангелии от Луки говорится о том, что Христос произносил аналогичные слова, стоя на ровном месте, а не взойдя на гору, говоря к народу, а не к ученикам, и обращаясь к ним во втором лице, а не в третьем: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6. 20). То есть Христос, по-видимому, много раз повторял эти слова, они запомнились ученикам, и потом евангелисты их зафиксировали.

Но сам этот набор блаженств – дефиниций, говорящих о том, кто является счастливым человеком, говорит о том, что христианский стандарт очень сильно отличается от стандартов обычного человека. Ведь обычный человек считает, что счастливы не те, кого злословят, но те, кого хвалят; не те, чьи речи воспринимают неадекватно, а те, чье слово находит отклик в сердцах людей; не те, которые плачут, но те, которые радуются. И уже в этой начальной преамбуле к тому, что говорится дальше, Христос показывает, что закладывает в сердца людей совершенно другой нравственный стандарт, чем тот, который воспринимается ими в качестве естественного.

Если мы посмотрим, как Христос «рекрутировал» Своих учеников, то увидим, что Он не увлекал будущих апостолов обещаниями – их просто не было. Господь проходил мимо озера, видел сидящих рыбаков и говорил им: «Бросайте все, бросайте свои семьи и следуйте за Мной» (см. Мф. 4. 18–22; Мк. 1. 16–20). И при этом Он не обещал им: «Я дам вам веселую и комфортную жизнь, вы будете жить долго и счастливо, сможете обеспечить свои семьи». Наоборот, Спаситель говорил, что их будут гнать и злословить, а слова, произносимые ими, не будут воспринимать, что Церковь, которую Он создает, будет гонимым сообществом.

Так что же, Христос создает сообщество, не приспособленное к реальным человеческим нуждам, ведь если все христиане без исключения ходят на исповедь и каются в грехах, то это значит, что быть безгрешным практически невозможно и христианское нравственное учение в своей совокупности невыполнимо? На самом деле, речь идет не о том, что христианская нравственность нереалистична, а о том, что Христос задает в Своем учении

очень высокую нравственную планку, к которой люди приближаются больше или меньше, но достигают ее только единицы – те, кого мы называем святыми. Причем, по учению Церкви, даже святые не были вполне свободны от грехов и человеческих недостатков, просто добро в этих людях настолько перевешивало все остальное и настолько они были близки к Богу, что эти теневые стороны как бы совершенно уходили или исчезали и происходило то духовное преобразование человека, которое в христианстве воспринимается как цель человеческой жизни.

Интересно, что в евангельских блаженствах, помимо жизни на земле, неоднократно говорится о Царстве Небесном, о награде на Небесах: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на Небесах». Что это за Небеса, о которых говорит Христос? Иногда представляют себе Бога как некое едва ли не физическое существо, обитающее на физическом небе. Такие представления были свойственны древним, но мы с вами, конечно, знаем, как устроена Вселенная, мы знаем, что неба как такового не существует, а есть атмосферный слой Земли, что планета наша круглая, а не плоская и т.д. Где же тогда место Богу, где это Царство Небесное, если очевидным образом его нет на облаках? В конце концов, мы сегодня летаем на самолетах, поднимаемся над облаками и Царства Небесного там не видим. И даже когда Юрий Гагарин полетел в космос, там Царства Небесного вроде бы не было. Тогда где оно?

Царство Небесное – это категория, которой Господь Иисус Христос оперирует, говоря о духовном мире. Он говорит о том, что помимо мира материального, который включает в себя нашу Землю, окружающую ее атмосферу, Солнце, планеты, галактики – всю нашу Вселенную и то, что находится за ее пределами, о чем мы не имеем никаких достоверных сведений, – есть еще и мир духовный. Система нравственных координат, которую задает Христос, в том числе и представление о добре и зле, о праведности и грехе, имеет смысл только в том случае, если мы верим в то, что существует иная реальность, что существует Царство Небесное, существует Бог и есть вечная жизнь, а следовательно, существование человека не заканчивается здесь, на земле.

Вне перспективы Царства Небесного, то есть иной реальности, о которой говорит Христос, христианская нравственность лишена смысла, она действительно становится слишком идеалистической, воспринимается как нереалистичная и не очень разумная, потому что ставит очень много преград для человека, вводит какие-то ограничения, а в то же время не совсем понятно, для чего они нужны. Вот, например, что говорит дальше Христос в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет – подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду, кто же скажет брату своему "рака", подлежит синагогам, а кто скажет

"безумный" – подлежит геенне огненной» (Мф. 5. 21-22). Мы часто используем в своей речи какие-то оскорбительные слова по отношению к другим людям, и нам иногда кажется, что это оправдано ситуацией: если человек плохо поступает, дурно себя ведет, относится к нам грубо, мы нередко отвечаем ему грубым словом. Но Христос говорит нам, что конфликт начинается не тогда, когда уже пускают в ход оружие или кулаки, а когда в сердце человека зарождается ненависть, которая проявляется в том, что человек думает и говорит.

Нравственное воспитание должно заключаться не просто в том, чтобы поставить запрет на убийство, а в том, чтобы научить человека ограничивать себя во всех греховных и негативных проявлениях, включая те грубые слова, которые он может произнести в адрес другого. Мы знаем по опыту, что часто конфликт, который заканчивается самыми трагическими последствиями, начинался с грубого слова, в ответ на которое следуют оскорбления, потом обвинения, потом начинается драка, и так дело может дойти и до убийства.

Христос говорит о том, что исцелять нужно человеческую душу, то есть следует понимать, что преступление – это уже последнее звено в некоей цепи. Если эту цепь взять под контроль в самом начале, то преступления не произойдет. Очень часто преступление совершается в состоянии аффекта, алкогольного опьянения или под влиянием каких-то обстоятельств. Но если человек контролирует все свои проявления – например, не употребляет алкоголь или употребляет его только в тех количествах, которые не ведут к потере контроля над собой, если он следит за своими эмоциями и не позволяет им выплеснуться на окружающих, чтобы вызвать ответную реакцию, если он искореняет в себе негативные проявления, то тем самым способен обезопасить себя от совершения реальных грехов и реальных преступлений. Иными словами, Христос говорит, что человек должен не просто бороться с проявлениями зла в человеческом сообществе, но стараться уничтожать эти проявления в своей собственной душе.

Вот еще один пример того, о чем говорит Христос: «Вы слышали, что сказано древним, – не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем» (Мф. 5. 27-28). «Сказано также, что кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать, и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует (Мф. 5. 31-32). Хотел бы обратить ваше внимание на то, что Христос так же, как и пророки в Ветхом Завете, Свои заповеди обращает всегда к мужчинам. Это связано с тем, что женщины в те времена, как правило, сидели дома и узнавали все, что происходило, от своих мужей. Его слушателями были, в

основном, мужчины, потому при рассказе, например, о том, как Христос накормил несколькими хлебами и рыбами тысячи людей, евангелист уточняет, что вкушавших было пять тысяч, не считая женщин и детей, то есть какие-то женщины и дети там, видимо, случайно оказались, но их было так немного, что можно было их даже не считать. Но, конечно, обращение заповедей к мужчине – это только форма. По существу, эти же заповеди в зеркальном отражении обращены также и к женщинам. Христос здесь говорит ни о чем ином, кроме того, что говорилось в Ветхом Завете: что брак между мужчиной и женщиной является богоустановленным союзом, что развод является аномалией и допустим только в том случае, если одна из сторон нарушила супружескую верность.

Но здесь опять можно сказать, что создается какая-то абсолютно нереалистичная картина, ведь очень многие люди, в том числе и христиане, женятся и разводятся, потом вступают во второй и иногда в третий брак. Почему, же тогда не разрешить это? Фактически в Церкви существует разрешение на второй или третий брак – именно в тех случаях, когда один из супругов скончался либо когда мужем или женой совершено прелюбодеяние и это делает их совместную жизнь невозможной. Но Церковь говорит о том, что второй или третий брак является неким допущением из снисхождения к человеческой немощи, а нормой всегда является единственный брак. Вот почему православный мирянин может вступить во второй или третий брак, но священник не может. Если священник развелся со своей женой, он может оставаться только безбрачным, принять монашество; если же он вступает во второй брак, то теряет священный сан, потому что в данном случае на священника полностью распространяется это нормативное учение, тогда как для мирян Церковь может сделать из него исключение. Но, опять же, такое исключение не подрывает норму как ту высокую планку, которую человек ставит себе как цель в жизни.

В христианской традиции есть представление о том, что супружеская верность имеет абсолютный характер. И не случайно Христос учит: «Если древним сказано – не прелюбодействуй (то есть не нарушай супружескую верность – *прим.*), то Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». (Мф. 5:28). Господь обращает внимание людей не на сам грех, который может быть совершен, а на корень этого греха, зарождающийся, когда тот или иной мужчина начинает смотреть с вожделением на женщину, которая не является его женой. Уже это с точки зрения христианства является грехом, так же, как являются греховными любые сексуальные связи между людьми вне контекста семьи и брака. Это относится и к добрачным, и к внебрачным, и к гомосексуальным связям.

Вы можете сказать, что это совершенно устаревшее учение и мало кем сейчас такие

требования соблюдаются. Но я могу на это ответить, что это учение с христианской точки зрения остается нормативом и если люди не исполняют норму, это еще не значит, что ее нужно отменить. Мы не в силах отменить то, что сказано Самим Богом, мы можем только исполнять заповеди или нарушать, или пытаться исполнить в меру наших человеческих сил и возможностей. Вот то пространство, которое остается для христианина по отношению к нравственным заповедям. Мы никогда не согласимся с тем, чтобы сами эти заповеди были переписаны.

В современном секулярном обществе существует ряд спорных моментов, касающихся семейной нравственности. Например, говорят, что каждый человек может любить того, кого считает нужным – лицо как противоположного, так и своего пола – и жить с тем, с кем нравится. Сегодня в Западной Европе если кто-нибудь скажет, что гомосексуализм является грехом, то может за такое утверждение попасть в тюрьму. Однако тот факт, что существуют однополые пары и живут они вместе, не заставит Церковь (я сейчас говорю о Православной Церкви и Католической Церкви) изменить нравственное учение, ибо оно заповедано Самим Богом.

Сегодня, правда, внутри мирового христианства существуют иные точки зрения на нравственную проблематику. Есть такие христианские общины (прежде всего, протестантские), в которых говорят, что нравственные установки, произнесенные когда-то Христом, были обусловлены не столько неким абсолютным нравственным учением, сколько культурным контекстом, в котором проповедовал Христос, жили Его ученики и слушатели. И поскольку сейчас культурный контекст изменился, то можно нравственные заповеди и установки приспосабливать к современным стандартам. Но мы, православные, как и католики, согласиться с этим не можем, потому что считаем, что проблематика, касающаяся половой сферы и семейной жизни, может быть предметом обсуждения между человеком и священником на исповеди и здесь могут применяться разные пастырские подходы, но то, что Христос объявил грехом, нельзя называть нормой, и то, что с точки зрения Священного Писания является нравственно недопустимым, нельзя называть допустимым ради того, чтобы нравственные нормы вписывались в современные секулярные стандарты.

Всегда остается, во-первых, расхождение между христианской нравственностью и нравственностью нерелигиозной, а во-вторых – очень глубокое и существенное расхождение между нормативом и практикой, при этом практика не подрывает авторитет норматива.

Христос говорит в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего

и ненависть врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас (Мф. 5. 43-44). Эти слова, конечно, вызывают много вопросов. Почему собственно, мы должны любить своих врагов? За что их любить, да и зачем? Для нас вполне естественно любить тех людей, кто любит нас, и то мы не всегда на это оказываемся способны. Вполне естественно испытывать чувство благодарности к тем людям, которые делают для нас что-то доброе, и то не всегда мы эту благодарность проявляем. Но почему мы должны любить врагов, почему мы должны делать добро тем, кто причиняет нам зло? Ответ на этот вопрос, опять же, может быть найден только из религиозной перспективы, из перспективы вечной жизни – того, что Христос называет Царством Небесным. Если нет вечной жизни, если нет Царствия Небесного, то было бы в высшей степени неразумным любить врагов и делать добро тем, кто нам делает зло, потому что мы тем самым растрачиваем свои силы, тратим свое время и эмоциональный ресурс, а при этом в ответ ничего не получаем.

Христианское нравственное учение дает совершенно иную перспективу. Оно показывает, что отношения между людьми могут быть построены не на рыночной основе взаимности: «ты мне, я – тебе», а на жертвенном чувстве, которое на христианском языке называется любовью.

Сегодня очень часто слышим о любви, и слово «любовь» употребляем в самых разных значениях: говорим, что любим тот или иной вид пищи, ту или иную погоду, одну или другую страну, тех или иных людей, каких-либо животных – все это объединяется в понятие любви. Существует естественная любовь между родственниками: между матерью и детьми, мужем и женой, но даже такая естественная любовь далеко не всегда имеет место и далеко не всегда проявляется на практике. Что же тогда говорить о любви, которая не может возникнуть естественным образом и к которой, казалось бы, надо себя принуждать? Любовь к врагам обычными человеческими усилиями, путем самовнушения или тренировки выработать в себе невозможно. Такая любовь может возникнуть только тогда, когда для человека Царство Небесное и вечная жизнь становятся не абстракцией, а реальностью, с которой он соприкасается в жизни.

Собственно, для этого Христос и создавал Церковь как сообщество людей, которые пытаются каждый на своем уровне, каждый в свою меру воплотить в жизнь то, чему Он учил. И человек в своем нравственном подвиге оказывается не одинок, потому что Церковь – это сообщество людей, которые приходят друг другу на помощь. Человек изживает в себе грехи не в одиночестве – в этом ему помогает священник на исповеди, помогают другие люди, воспитывает в себе добрые качества он не наедине с собой, не путем самовнушения

или тренировки, а с помощью пастыря, братьев по вере, но самое главное – ему в этом помогает Сам Бог. Неслучайно Отцы Церкви, которые писали на греческом языке, употребляли для обозначения взаимодействия между человеком и Богом такой интересный термин, как синергия, – некое совместное действие, когда человек и Бог объединяют усилия для достижения какой-то цели.

В христианстве существует учение о том, что достичь святости собственными силами человек не может, для этого ему нужно сверхъестественное содействие Самого Бога. Когда кто-то становится на путь исполнения заповедей Господних, тогда Сам Бог начинает ему помогать самыми разными способами в самых разных обстоятельствах, и человек эту помощь всегда чувствует.

Церковь является не просто сообществом людей, которые друг другу помогают, любят друг друга и вместе молятся, – они также вместе участвуют в Таинствах, вместе причащаются. Мы с вами говорили на одной из лекций о том, что Таинство Причащения, когда христиане под видом хлеба и вина принимают в себя Самого Христа, то есть воплотившегося Бога, является сердцевинной христианского учения и христианской духовной практики. Это Таинство не просто сказывается на жизни человека, не просто поднимает ему настроение или тонус; Причастие – это возможность соединиться с Богом, когда не просто человек действует, но через человека и в человеке начинает действовать Бог и человек становится как бы инструментом в Его руках.

Мы можем спросить, почему нужно становиться инструментом в руках Бога, почему человек не может быть хозяином собственной жизни? Теоретически он может быть хозяином своей судьбы, но практически ему очень трудно в полной мере распоряжаться ею, потому что человек непременно оказывается в зависимости чего-либо. Вот что Христос говорит об этом в Нагорной проповеди: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (мамона – это еврейское слово, которое осталось в греческом Евангелии без перевода. Оно означает богатство, а в широком смысле – любые материальные блага, материальные стяжания – прим.) (Мф. 6. 24). Оказывается, если человек не желает быть рабом Божиим, то чаще всего он оказывается рабом своих собственных страстей, привычек и пристрастий, своих идеалов, которым пытается подчинить всю жизнь.

Много ли среди нас людей, которые не находятся в зависимости от тех или иных внешних факторов? Простой пример: человек, который регулярно курит, не может не оказаться в зависимости от никотина. Это связано с химическими свойствами этого вещества – яда,

который впитывается в кровь человека и потом возбуждает в нем потребность во все новых и новых порциях никотина. Почему люди, которые являются заядлыми курильщиками, с таким трудом отказываются от этой привычки? Иногда это просто превосходит их силы. Порой человек, даже уже страдая тяжелой неизлечимой болезнью – такой, например, как рак горла, не может прекратить курить, потому что сила зависимости выше, чем естественное стремление выжить.

Таких зависимостей в жизни человека очень много: пристрастие к алкоголю, к компьютерным играм или зависимость от материальных благ, когда человек всю свою жизнь полагает на то, чтобы заработать как можно больше денег. Стремление к ним становится подобным пристрастию к наркотикам: если человек не зарабатывает то, на что он рассчитывает, то уже не чувствует себя счастливым, а если случилось банкротство или какие-то его планы не сбылись, то, даже обладая немалым количеством денег, которого хватит на жизнь и ему, и его детям, и всем его близким, он может покончить с собой просто потому, что не заработал еще больше или же потерял какую-то часть своего капитала. Так человек, если не желает быть в зависимости от Бога, становится зависим от каких-то злых сил или от того, что Христос называет мамоней.

Вот почему, обращаясь к Своим ученикам, Господь говорит: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 25-26, 34).

Опять же слова эти могут вызвать недоумение: что же, мы не должны работать, зарабатывать себе на хлеб? Разве нужно жить беспечно? Но не к этому Христос призывает, а к тому, чтобы мы правильно выстраивали шкалу нравственных ценностей. Человек не может служить одновременно Богу и мамоне: если отдастся службе мамоне, то будет забывать о Боге. Поэтому на первое место Христос ставит то, что имеет абсолютную ценность. Он говорит: «Не накапливайте себе сокровище на земле, где ржавчина может поразить тот или иной предмет, где моль может поест ткань, где любое богатство подвержено риску потери, а накапливайте себе сокровища на небе». Но что это за сокровище на небе? Это внутренние положительные, духовные качества, которые не просто остаются с человеком на всю его земную жизнь, но переходят с ним в жизнь вечную. Опять же, это теряет смысл, если не верить в Царство Небесное, ведь тогда нет никакого смысла отказываться от материального богатства ради сокровища духовного. Если Бог – это иллюзия, а вечной жизни не существует, тогда справедлив лозунг, по

которому сегодня живут многие люди: «Бери от жизни все».

Современная потребительская идеология предполагает, что все, что мы можем получить в материальном плане от жизни, нужно взять. А Христос рисует совершенно иной нравственный идеал человека. Он говорит о том, что материальное никогда не должно заслонять духовное, что на первом месте для человека всегда должен быть Бог. Если Бог находится в центре нашей жизни, то все остальное естественным образом выстраивается вокруг этого центра. И тогда уже христианская нравственность не воспринимается как система запретов, которые как бы извне навязаны человеку, – эти нравственные установки становятся частью человеческой идентичности, целью, к которой нужно постоянно стремиться. Человек не всегда этой цели достигает, потому что иной раз человеческая немощь препятствует ему вести жизнь так, как он хотел бы. Тем не менее, эта цель всегда перед ним стоит, он всегда ее в себе ощущает, у него появляется и развивается естественная потребность делать добро, ограничивать себя в грехе, делать добро не только тем, кто творит благо ему, но и врагам, и ненавидящим, тем, кто делает зло.

Вот почему христианская нравственность имеет смысл только в контексте христианского учения о вечной жизни.

Христос не просто дал заповеди, но и Сам эти заповеди исполнил. Его жизненный путь является для христианина образцом. Любовь, о которой говорит Господь, – не просто абстрактное понятие, но жертвенная любовь, которая Самого Христа привела на крест и на смерть, потому что Он умер для спасения людей. Он был наказан не за свои грехи, а за грехи людей. Вот почему в христианстве Христос называется Исккупителем: Он как бы заплатил цену за человеческий грех – заплатил ее Своей собственной жизнью.

Мы знаем из истории много случаев, когда люди должны отдавали свою жизнь за жизнь других. Таких людей считают героями, ставят им памятники, посмертно награждают орденами. Например, если человек при пожаре спас пять или десять детей, а сам погиб, ему посмертно могут дать звание Героя России или орден Мужества. Но опять же может возникнуть вопрос: а чем жизнь этих детей была драгоценней его собственной жизни, почему, собственно, он должен был свою жизнь отдать для того, чтобы чья-то другая жизнь сохранилась? Если не иметь в виду перспективу Царства Небесного и перспективу вечности, тогда смысл самопожертвования как нравственного подвига остается не вполне ясным.

Или, например, нам говорят, что наши отцы и деды умирали на войне для того, чтобы мы сейчас жили. Да, это красиво, благородно. Но почему они, собственно, должны были

умирать за это, почему наша жизнь ценнее, чем их жизнь? Почему, если перед нами встанет выбор: сохранить свою жизнь или потерять ее ради другого человека, мы не должны выбрать свою жизнь. Почему должны отдать ее ради другого? Идеал подвига, самопожертвования, идеал любви в высоком нравственном смысле, в котором это понятие употребляется в христианстве, совершенно несовместимы с современной секулярной идеологией, с навязываемым нам представлением, что от жизни надо брать все. Человек, который настроен во чтобы то ни стало сохранить свою жизнь, не кинется в горящий дом спасать людей, не бросится в воду вытаскивать тонущего человека, потому что понимает, что рискует собственной жизнью, которая для него дороже, чем что бы то ни было другое на свете.

Смысл самопожертвования, смысл любви, смысл подвига раскрывается именно из перспективы вечной жизни. Христианство говорит о том, что нет больше той любви, как если кто душу свою отдаст за друзей своих, то есть больше, чем отдать жизнь за других людей (см. Ин. 15, 12). Именно такие люди получают в Царстве Небесном награду. Но если не верить в Царство Небесное, если не верить в то, что существует Бог, если не верить в то, что добро является абсолютной, а не относительной нравственной категорией, тогда смысл подвига и самопожертвования исчезает.

Вот некоторые аспекты христианской нравственности, о которых я хотел вам сегодня рассказать".

После лекции митрополит Иларион ответил на вопросы аудитории.

Служба коммуникации ОВЦС